

Книжная полка

"МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО"

Отв. редакторы Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов
(М., Международные отношения, 1994, 606 с.).

Сразу же скажем главное: учебник состоялся, труд большого творческого коллектива заслуживает признания. Содержание учебника воплощает в себе современный уровень международных правовых знаний и методики общения со студентами, ориентированной на обеспечение уяснения категорий, норм, институтов международного права.

Трудно перечислить все главы, параграфы, фрагменты, при подготовке которых сказались высочайшая квалификация ученых, их эрудиция, умение анализировать нормативные материалы. Да простят нас те авторы, чьи разделы мы не упомянем, но особенно хочется отметить изложение таких тем, как правопреемство (гл. VIII), ответственность в международном праве (гл. XII), мирное урегулирование международных споров (гл. XIII), международно-правовой режим Антарктики (гл. XXIII), а также таких вопросов, как сущность международного права (§ 2 гл. I), режим иностранцев (§ 3 гл. VI), правовая природа международных организаций (§ 3 гл. X), всеобщая и региональная безопасность (§ 2 и 3 гл. XV), освещение проблем территории, права международных договоров, морского, воздушного, космического права.

• Нелегко в наши дни говорить о сущности международного права, поскольку и в юридической науке стали модными "антиидеи", стремящиеся сокрушить "до основания" прежние идеологические воззрения, но взамен ничего разумного не дающие. Авторам первой главы удалось избежать соблазна. Они лаконично (пожалуй, слишком скупно) признали международно-правовую систему в качестве объективной реальности и вместе с тем как форму общественного сознания, отражающую борьбу (в том числе классовую), поскольку международное право является сферой столкновения мировоззрений различных людей, групп, классов и т.д. (с. 10).

С предельной четкостью дана характеристика функций международного права: координирующей, регулирующей; обеспечительной и охранительной.

Самых добрых слов заслуживает нормативное оснащение большинства глав. Авторы сумели сконцентрировать внимание на наиболее значимых для соответствующей темы международно-правовых актах. Пожалуй, можно даже по-хорошему позавидовать авторскому коллективу, имея в виду возможности доступа к информации. И эти возможности оптимально использованы в учебнике. При этом "не повезло" нормам внутригосударственного права, прежде всего правовым нормам Российской Федерации, включая те, которые непосредственно связаны с регулированием международной деятельности нашего государства.

Отличительной чертой учебника, как пишут ответственные редакторы во введении, является его деление на общую и особенную части (с. 5). Идея такого разделения курса уже знакома по дискуссиям в Ассоциации международного права; именно в таком аспекте были разработаны новые учебные программы по международному праву в ряде вузов (например, на отделении международного права Украинского института международных отношений, в Свердловском юридическом институте — ныне Уральской юридической академии). Согласно концепции учебника, "общая часть охватывает все основные институты, категории и положения международного публичного права", а "особенная часть посвящена более детальному рассмотрению отдельных отраслей международного права..." (с.5).

В связи с таким в принципе безупречным подходом возникают вопросы. Во-первых, почему в общую часть включены главы о праве международных договоров, дипломатическом и консульском праве и о международных организациях? Ведь в параграфе, где рассматривается система международного права (с. 14), а также на страницах 19, 120, 162 они именуются отраслями международного права. Во-вторых, почему в особенной части как самостоятельные главы выделены темы, которые ни в какой форме не обозначены как отрасли? Причем не соблюдено единство в методике изложения: если некоторые главы (особо это ощутимо в гл. XVIII, с. 411; XXI, с. 501; XXII, с. 536—537; XXIV, с. 576) открываются характеристикой соответствующей отрасли как совокупности норм, то большинство глав свободно от подобной оценки. В главах XV и XX первые параграфы имеют заманчивые названия: "Понятие права международной безопасности" и "Понятие международного морского права"; однако в обоих случаях обещанное не реализовано. В главе XVI "Международная борьба с преступностью" даже не применяется столь распространенный сегодня термин "международное уголовное право".

Можно предугадать неоднозначное отношение к отходу авторского коллектива и ответственных редакторов от привычных и казавшихся незыблемыми принципов построения учебника и мето-

дики изложения. Мы настолько привыкли к переходящим из одного учебника в другой схемам, что порой просто не готовы к восприятию не вполне традиционных подходов. Так, десятилетиями вопросы правопреемства рассматривались в главе о субъектах международного права. В рецензируемой книге неожиданно выделена особая глава "Правопреемство государств" и расположена вслед за главой о международных договорах. Десятилетиями не обращали внимания на то, что тема "Территория в международном праве (общие вопросы)" не была согласована с ее содержанием, включающим, например, такой совсем не общий вопрос, как режим Антарктики. И как-то непривычно выглядит глава о режиме Антарктики после главы о космическом праве.

Мы не только не сомневаемся в праве авторов на собственную структуру учебника, но и полагаем, что их вариант имеет ощутимые преимущества. Сохраняются, впрочем, сомнения в обоснованности отделения от проблематики международного гуманитарного права вопросов гражданства, режима иностранцев и права убежища, объединяемых главой "Население".

Заметный пробел в учебнике — проблема согласования и взаимодействия международного и внутригосударственного права. Оговоримся, что это пробел в нашем понимании. Для авторского же коллектива **лишь прикосновение** к данной проблеме, судя по всему, — вполне осознанная позиция. И в методических рекомендациях (с. 3) целью изучения курса международного публичного права провозглашено "получение навыков работы с международными договорами и другими международными актами, а также их толкование **применительно к конкретным ситуациям международной жизни**" (выделено нами. — *Г.И., В.С., Л.Л.*). При такой ориентации ситуации внутригосударственного бытия и их правовая регламентация представляют собой нечто "потустороннее" для международного права либо во всяком случае для тех, кому адресован учебник.

Избранная авторским коллективом концепция достаточно четко выражена во введении, написанном Ю.М.Колосовым и В.И.Кузнецовым (ответственные редакторы). Констатируя, что международное право оказывает воздействие практически на все сферы современной жизни, они утверждают далее: "Применение международного права — важная сторона деятельности всех тех, кто так или иначе связан с международными отношениями" (с. 5). Приведенная формулировка допускает различные толкования, вплоть до такого понимания, при котором только причастные к международным отношениям лица и органы компетентны в применении международного права. Но нам бы не хотелось склоняться к подобному предположению, как бы исключаящему из правоприменительной

сферы, связанной с реализацией международно-правовых норм, всех тех, чья деятельность касается внутригосударственных отношений. Мы предпочли бы трактовку этой фразы как выражение чисто специализированного подхода, поскольку учебник рекомендован обучающимся по специальностям "правоведение" (международное право), "международные отношения" и "международные экономические отношения".

Однако не только потому, что этим учебником вполне могут заинтересоваться студенты и преподаватели "обычных" юридических вузов, сотрудники различных государственных учреждений, в том числе судьи, но и просто ради установления истины полезно было бы сопроводить эту фразу констатацией ценности международного права и во внутригосударственной правоприменительной деятельности. Этот аспект остался за рамками учебника.

Параграф о соотношении международного и внутригосударственно-го права занимает в учебнике менее одной страницы. И дело не только в объеме текста. Как-то несовременно звучит тезис о том, что "официальные органы государства, его юридические и физические лица непосредственно нормам международного права не подчиняются" (с. 12). Тут же реанимируется концепция трансформации, опосредующая "фактическую реализацию международных обязательств на внутригосударственном уровне" национальными законами и правилами.

Мы ни в коей мере не склонны "навязывать" авторскому коллективу иную концепцию. Но мы сомневаемся в том, что умолчание об иной концепции — лучший способ ее опровержения. К тому же сегодня имеется в виду уже не доктринальная позиция, а состояние нормативной регламентации.

Отдельные положения действующей Конституции Российской Федерации вызывают неоднозначные трактовки. К их числу относятся и формулировка части 4 статьи 15 о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Возможны различные оценки этой конституционной нормы. Только не надо делать вид, что ее не существует.

Как бы восполняя этот пробел, авторы пишут: "В ряде государств ратифицированные международные договоры автоматически становятся частью национального законодательства. В законах многих государств устанавливается правило, согласно которому в случае расхождений между положениями закона и международными обязательствами преимущественную силу имеют международные обязательства" (с. 12—13). Мы не думаем, что словосочетания "в ряде государств", "в законах многих государств" дадут студентам сколь-

*По новой квалификации — "юриспруденция".

ко-нибудь ясное представление. Кроме того, открытым остается вопрос: а как же это выглядит в нашем собственном государстве?

Мы не думаем, что применение международно-правовых норм в сфере внутригосударственного правопорядка находится за пределами той деятельности, к которой готовятся студенты Московского государственного института международных отношений и слушатели Дипломатической академии. С проблемами взаимодействия правовых систем неизбежно имеют дело и сотрудники российского МИД и иных учреждений "внешней ориентации", и сотрудники наших представительств в зарубежных странах. Обучение принципам и методам такого взаимодействия — насущная задача учебника. И здесь явно недостаточна фрагментарная информация (например, на с. 80, 98—99, 114, 395, 402, 481).

Замечания принципиального характера вызывает предлагаемая читателям концепция источников международного права.

Утверждение, что статья 38 Статута Международного Суда ООН содержит перечень источников международного права (с. 22), можно встретить и в западной литературе, и в отечественных учебниках. Однако знаменательно, что здесь такая оценка сопровождается комментариями, которые, по сути дела, ее опровергают. Судебные решения именуются "вспомогательным средством", а о доктринах выдающихся ученых сказано, что "нельзя исключать" их значение, поскольку они "способствуют уяснению". Все это так, но при чем здесь источники международного права, если, как признает автор главы, "это те формы, в которых находят свое выражение нормы права"? Может быть, не случайно в числе контрольных вопросов к главе II есть и такой: "Уточните, какие бывают источники". Пожалуй, действительно стоит уточнить!

И здесь изложение вопроса таково, будто не существует в науке и учебной литературе нового толкования проблемы источников международного права с учетом нормативного содержания отдельных актов международных организаций и международных конференций (совещаний). Ради бога, возражайте, опровергайте "инакомыслящих", но не прибегайте к тому, что называют фигурой умолчания!

Справедливости ради отметим фрагментарные суждения об актах международных организаций и международных конференций за пределами главы об источниках (с. 14, 64, 201, 255—256, 305). В последнем случае (с. 305) также представлена лишь одна позиция: "Документы СБСЕ носят политический характер и не являются источниками международного права". Почему бы не поспорить с иным мнением? Но иногда возникают межавторские коллизии. На странице 14 сказано, что в актах международных организаций нередко фиксируются уже сложившиеся обычно-правовые нормы, а

согласно тезису на странице 23 решения международных организаций могут явиться отправным моментом для образования обычая. Не ясно, как в дискуссии о яйце и курице!

Наши размышления в связи с изложением сложных теоретических проблем имеют общий знаменатель — сожаление по поводу того, что в учебнике представлена преимущественно однозначная, бесконфликтная, свободная от сомнений и дискуссий наука. С радостью воспринимаются исключения. Таковы, например, суждения по вопросу о международной правосубъектности индивидов (с. 64—65). И очень жаль, что интереснейшие мысли одного из ответственных редакторов относительно международного гуманитарного права, высказанные им в ряде статей, сведены в главе XIV учебника к двум лаконичным предложениям беспроблемного характера.

На фоне компетентного и скрупулезного рассмотрения многих, порой даже не самых существенных, вопросов весьма скромно выглядит изложение международного нормотворчества, а ведь для понимания сути международного права это является основным вопросом.

Отдельные формулировки нуждаются в пояснениях и уточнениях. Например, в связи с характеристикой территориального верховенства в принципе верно проводится различие между действием законов и применением средств властного принуждения (с. 74). Но текст, следующий далее: "Никакое государство не вправе применять свои средства властного принуждения на территории иностранного государства", — оставляет студентам вопрос-сомнение о правомерности применения таких средств в пределах территорий (пространств) с международным режимом.

Другой пример: "В начале 70-х годов появились теоретические обоснования правосубъектности "всего человечества". Такие взгляды характерны для ряда юристов развивающихся стран" (с. 62). Но как понимать отношение авторов учебника к подобным "теоретическим обоснованиям"?

Третий пример затрагивает более существенный вопрос — о принуждении. Одну из особенностей международного права авторы справедливо видят в том, что в международных отношениях не существует надгосударственных механизмов принуждения. "В случае необходимости государства сами коллективно обеспечивают поддержание международного правопорядка" (с. 12). А что это значит? Является ли отсутствие надгосударственного механизма препятствием к использованию межгосударственного механизма принуждения? А на странице 19 отсутствие надгосударственных органов принуждения расценивается как причина того, что соблюдение и исполнение международно-правовых норм в основном осуществляется субъектами на добровольной основе. Думаем, что здесь иная зависимость.

Не соблюдена логическая стройность изложения при характеристике видов территорий (§ 1 гл. V). Известная классификация — на три типа — сопровождается пояснениями, согласно которым Антарктика и космическое пространство существуют как бы вне категории "территория с международным режимом". Во всяком случае они не вошли в перечень территорий (с. 71), и краткая их характеристика дается уже после территорий со смешанным режимом. А используемые формулировки создают впечатление, что существует "четвертый" и даже "пятый" тип режима.

Логико-юридические погрешности продолжаются в главе XX "Международное морское право". Здесь — в отступление от обозначенных в главе V трех типов территорий — пространства морей и океанов "с международно-правовой точки зрения" подразделяются на две категории: пространства, находящиеся под суверенитетом государств, и пространства, на которые не распространяется суверенитет какого-либо государства (с. 457, § 2). Почему в классификацию морских пространств не попали пространства со смешанным правовым режимом? Некое подобие ответа можно обнаружить в § 5 "Морские пространства за пределами территориального моря", текст которого начинается характеристикой понятия открытого моря. Авторская концепция, согласно которой континентальный шельф и исключительная экономическая зона предстают как различающиеся по режиму части открытого моря, имеет, очевидно, право на существование. Но в таком случае надо прямо выразить несогласие с нормативными положениями Конвенции по морскому праву 1982 года, ибо в этом акте регламентация режима открытого моря (ч. VII) дана после режима исключительной экономической зоны и континентального шельфа, причем, как четко сказано в статье 86, положения настоящей части применяются ко всем частям моря, которые не входят не только в территориальное море, но и в исключительную экономическую зону. Следовательно, то, что предложено в § 2 и 5 данной главы, не "международно-правовая точка зрения", а исключительно авторская позиция.

В заключение несколько замечаний частного характера. На общем фоне продуманных формулировок, четких комментариев международно-правовых актов с огорчением воспринимаются словосочетания, в которых вряд ли можно обнаружить точный смысл. Так, на странице 305 отмечается, что положения документов ОБСЕ имеют и юридический оттенок. Как же понимать этот феномен? На страницах 332—333 сказано, что термин "регулирование вооружений" приближается (?) к термину "контроль над вооружениями". Это же слово использовано на странице 187, где поясняется, что в некоторых двусторонних консульских конвенциях содержатся положения, максимально приближающие личную неприкосновен-

ность консульских должностных лиц к личной неприкосновенности дипломатических агентов. Желательны, как нам кажется, более определенные характеристики.

Можно отметить погрешности в рекомендуемой литературе. На наш взгляд, сегодня желательно указывать не только книги, но и наиболее значительные статьи, ибо последние позволяют оперативнее знакомить читателя с современными воззрениями и аналитическими материалами. Мы встретили лишь одно название статьи (с.313). Однако в "Московском журнале международного права" и в других периодических научных изданиях в последние годы появился ряд полезных публикаций. Вряд ли столь необходимы отсылки к явно устаревшим изданиям (например, на с. 56, 119, 140, 454, 587). Проявилось неоднозначное отношение к "Курсу международного права", который почему-то ко многим главам не рекомендуется.

Мы убеждены, что этому коллективному (24 автора) труду обеспечено хорошее будущее, и считаем полезными его периодические переиздания с учетом новейших документов, современных достижений отечественной и мировой науки. Именно с ориентацией на подобные перспективы мы связываем высказанные в данной рецензии пожелания, имея в виду, что только добротный и творческий учебник способен пробудить подлинный интерес и потребность в дискуссии.

Г.В.Игнатенко,
*доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой иностранного государственного
и международного права Уральской государственной
юридической академии*

В.Я.Суворова,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры иностранного государственного
и международного права Уральской
государственной юридической академии*

Л.А.Лазутин,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры иностранного государственного
и международного права Уральской
государственной юридической академии*